
Н. Н. Коцевская

НЕКОТОРЫЕ РАНЕЕ ОТКРЫТЫЕ ПАМЯТНИКИ И НОВЕЙШИЕ НАХОДКИ В ИФЕ

Среди скульптур древнего йорубского города Ифе (Западная Нигерия) заслуженной известностью пользуются великолепные бронзовые и терракотовые головы. Они не лишены некоторой идеализации, но тем не менее настолько достоверно передают как характерные этнические, так и индивидуальные особенности изображенных, что не приходится сомневаться в том, что за каждой из таких скульптур стояла реальная историческая фигура. В большинстве случаев это, надо полагать, сменявшие друг друга на ифском престоле обожествленные правители — *они*. Возможно, кое-кто из них приобрел бы в наши дни благодаря великолепным портретам не меньшую популярность, чем такие персонажи древней истории, как, скажем, Нефертити или Антиной, если бы нам удалось связать с отдельными скульптурами имена изображенных и отдельные черточки их биографий.

В городе найдены и памятники иного рода, непосредственно не связанные или кажущиеся несвязанными с посмертным культом властителей. Среди них особый интерес представляют изображения маленьких головок людей, по-видимому, обреченных на смерть (почти каждая из таких головок обвязана веревкой, подобно узде, пропущенной через рот), а также изображения голов животных, в первую очередь баранов.

«Взнузданные» человеческие головки отнюдь не однородны по манере исполнения. Если во многих из них можно безошибочно признать руку создателей заупокойных скульптурных царских портретов, то в других, напротив, заметно отклонение от ифских традиций. Но всем им чужда идеализация, в них нет и следа торжественного спокойствия образов.

В 1957 г. на площади Иемуу были найдены бронзовые предметы, среди которых два конусообразных жезла и два полых овоида, признанных наверху палиц. Все они несут на себе изображения человеческих голов. Отдельно выполненная в таком же стиле бронзовая «взнузданная» головка, по-видимому, также украшавшая когда-то ритуальный предмет, была найдена еще в 1949 г. при просеивании земли в руинах дворца Вунмонидже.

Среди названных изображений можно выделить необычайно яркую и в то же время дающую представление о специфических жанровых особенностях остальных скульптур головку старика с большего по размеру овоида (рис. 1). Она подчеркнута индивидуализирована и в основных пропорциях, и в деталях: от очень широких скул лицо резко суживается к подбородку и к покату с сильно выступающими надбровьями лбу. Нос очень толст в нижней своей части и как бы перебит посреди переносицы. Приподнятые, сведенные вместе брови и большие широко раскрытые глаза придают лицу недоуменно-страдальческое выражение. Несмотря на некоторую утрировку черт, скульптура показывает, сколь верно ифские мастера могли передавать анатомическое строение человеческой головы и лица: под как бы высохшей кожей отчетливо ощущаются все формы черепа, великолепно моделированы скулы — на них

отмечены места прикрепления мышц и впадины между ними. Щеки и лоб изборозжены резкими морщинами, расположенными, впрочем, несколько орнаментально.

Все бронзовые «взнузданные» человеческие головки сходны друг с другом стилистически. Они, безусловно, выполнялись в дворцовых мастерских, хотя во многом существенно и отходят от классических норм царских портретов. Им свойственны немыслимое для последних отсутствие даже малейшей идеализации, обостренность характеристик, свобода, раскованность лепки. В отличие от бронзовых, найденные в Ифе несколько терракотовых головок резко отличаются друг от друга мерой условности, принципами построения формы. Наиболее близки к бронзовым, настолько близки, что кажутся вышедшими из-под рук тех же мастеров, три головки. Все они, правда, не имеют «узды», но тем не менее, по-видимому, воплощают содержание, близкое, если не тождественное со «взнузданными»: брови изображенных тоже страдальчески подняты или сведены к переносице, рты полуоткрыты, своеобразие лиц обостренно подчеркнуто. Одна из трех наделена явными чертами старца — морщинами на лбу, бородой, усами. Кстати, головка с одного из двух бронзовых жезлов, как и эти три терракотовые, не имеют «взнуздывающей» веревки.

Чрезвычайно далека от ифских классических традиций терракотовая головка из Ита Иемуу. Если бы она не была найдена в Ифе и не имела веревочной «узды», рельефных полос на шее и некоторых иных второстепенных деталей, можно было бы усомниться в ее принадлежности к ифскому искусству. Автор этой скульптуры, очевидно, взял за образец изображения, описанные выше или им подобные. Прическа на этой головке выполнена в той же манере, что и на головках с бронзовых жезлов. Брови, обозначенные чисто условно, сведены к переносице, столь же условны большие миндалевидные глаза, сдвинутые почти вплотную друг к другу и о контуренные рельефным кантиком, весьма отдаленно напоминающим веки. Условно изображены губы, замысловато стилизованы уши. На висках четко выделяются по три коротких шрама (рис. 2).

Терракотовым «взнузданным» головкам также присущи явные элементы условности, но они все же более естественно вписываются в рамки ифских традиций. Упомянутая стилистическая пестрота может быть объяснена тем, что мотив «взнузданной» человеческой головы воспроизводился в Ифе на протяжении длительного времени, в том числе и тогда, когда классические традиции сошли на нет. Возможно также, что подобные изображения создавались не только для общегосударственной потребности, в связи с чем авторами части скульптур были мастера не из дворцовых мастерских.

Столь же мало единообразия среди терракотовых изображений бараньих голов. И в данном случае стилистический диапазон простирается от очень точного следования натуре до довольно сильной стилизации. Многие из этих изображений опираются на плоские овальные подставки

Рис. 1. Бронзовое навершие палицы с изображениями человеческих голов. Ифе

Рис. 2. Терракотовая «взнузданная» головка из Ифе

Человеческие жертвоприношения не были в древнем Ифе редкостью. Еще и сейчас в городе показывают площадь, где они совершались. Интересно, что в наше время жертвенных животных таким же образом «взнуздывают» и связывают им за спиной передние ноги.

Ф. Уиллет, безусловно, прав, утверждая, что бронзовые и терракотовые человеческие «взнузданные» головки изображают людей, которые должны умереть насильственной смертью. Однако утверждение, что они создавались с целью подменить собой на алтарях в перерывах между жертвоприношениями «настоящий предмет» весьма спорно. Возможно, ответ на заданный вопрос следует искать в тех стилистических особенностях, которые отличают эти изображения от заупокойных царских портретов, поскольку эти особенности не могут не быть связанными с содержанием. Важно также иметь в виду, кто были те обреченные на смерть люди, которые изображены «взнузданными».

В Ифе посмертные изображения властителей вкупе с комплексом заупокойных церемоний были призваны утвердить умерших в сане предков, помочь заручиться их благосклонной поддержкой. Сколь близко ни передают многие портреты облик ифских владык, по ним невозможно определить реальный возраст изображенных — последние неизменно предстают перед нами молодыми. Эта своеобразная «идеализация» не случайна — «омоложенные» портреты как бы утверждали самого умершего вечно пребывающим в потустороннем мире в расцвете сил.

Сопоставим изображения молодых торжественно-спокойных правителей с изображением обреченных на смерть с их экспрессивно выраженным страданием, подчеркнутой во многих случаях худобой, старостью. Вспомним, что в большинстве своем это иноплеменники, что подтверждается имеющимися у ряда скульптур скарификационными знаками, специфическими прическами, подчеркнута своеобразными лицами. Конечно, изображая обреченных на смерть, ваятели были свободны от канонов, которых они придерживались при создании царских портретов. Но, очевидно, не только этим объясняются особенности рассматривае-

(рис. 3). Ф. Уиллет предположил, что скульптурные бараньи и «взнузданные» человеческие головы имели весьма сходное назначение — и те и другие могли служить напоминанием божеству о жертвах, принесенных в его честь¹. Ученый сравнивает этот ритуал с христианским обычаем оставлять зажженную свечу у изображения святого, дабы напомнить об обращенных к нему молитвах².

Своей находкой на площади Иемуу черепков сосуда, украшенного рельефом, Ф. Уиллет убедительно доказал, что веревочная узда — атрибут насильственной смерти: на рельефе мы видим отделенную от туловища «взнузданную» голову, а рядом с ней — само распростертое на животе тело со связанными за спиной руками. Тем самым были подтверждены сведения, согласно которым у йоруба на обреченного одевалась веревочная «узда» с тем, чтобы он в последний момент не смог проклясть виновника своей смерти.

¹ F. Willett, *Ife in the history of West African sculpture*, London, 1967, p. 92.

² F. Willett, *Указ. паб.*, стр. 69.

мых скульптур. Скорее всего, обреченный иноплеменник должен был быть изображен именно таким образом. Скульптура, изображающая поверженного врага, была призвана утвердить его навечно пребывающим в беспомощном состоянии. В этой связи можно вспомнить о жезле Тутанхамона, на котором две фигуры — африканца и азиата — символизировали находящиеся в его «руке» народы. Сходные изображения имелись и на его сандалиях — при ходьбе фараон «попирал» покоренных. Можно найти аналогию и более близкую — во времени и пространстве. Так, в XVIII и XIX вв. к Золотому табурету ашанти были прикреплены колокольцы в форме очень условных человеческих фигурок, изображавших покоренных иноплеменных вождей и военачальников (среди них — изображение Чарльза Маккарти, разбитого и обезглавленного ашанти). Колокольцы именовались *нкоа*, слуги Золотого табурета. В соответствии с названием, вероятно, мыслились и их функции.

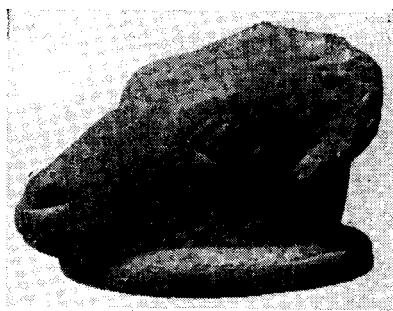

Рис. 3. Терракотовое изображение бараньей головы из Ифе

Все бронзовые ифские «взнузданные» головки украшали собой те или иные ритуальные предметы. На небольшом, найденном на площади Иемуу сосуде имеется изображение правителя в регалиях, поднимающего в руке миниатюрный жезл, точно такой, как те два, о которых говорилось выше. Трудно согласиться с тем, что скульптурные головки обреченных на смерть иноплеменников создавались лишь для напоминания божеству о полученных им жертвах. Думается, что прежде всего преследовалась цель магическим путем увековечить пребывание врагов в поверженном состоянии, обезопасить себя от «козней» тех из них, кто был убит.

Еще менее вероятно, что напоминаниями о жертвах были терракотовые бараньи головы. Уже много лет в ифском музее хранится терракотовое изображение головы слона, увенчанной короной с розеткой и косичкой, окаймленной овальным воротником с крупными круглыми бусами (рис. 4). Обе инсигнии точно повторяют те, что украшают известные фигуры *они*. Исключение составляет лишь воротник, который на фигурных изображениях плавно изгибался по форме тел, а здесь упростился, стал базой скульптуры. Глаза слона имеют форму, которая типична для большинства ифских изображений человека (такой же формы глаза мы видим и на скульптурах бараньих голов). Вся поверхность скульптуры декорирована параллельными полосками орнамента, напоминающими декор человеческих голов из Обалуру. Рассматриваемое изображение определенно должно отождествляться с кем-либо из правителей Ифе. Возможно, оно в зримой форме являло закрепленный за ним эпитет³.

Рис. 4. Терракотовое изображение головы слона, увенчанной короной и розеткой из Ифе

Скорее всего, и терракотовые го-

³ Нечто подобное представляют собой некоторые рельефы абомейского дворца и деревянные скульптуры, изображающие царей Дагомеи (Беханзина, Глеле и др.) в обликах соответствующих животных.

ловы баранов имели столь же малое отношение к жертвенным животным, как и изображенный в виде слона владыка Ифе. Изображения голов баранов из Ошогбо и из дворца церкви св. Филиппа покрыты насечками, которые могут передавать фактуру шерсти, но с неменьшим основанием могут они воспроизводить, подобно орнаментальным полоскам на скульптуре царя-слона, раздражающие шрамы, такие, как мы видим на лицах многих ифских портретов. Чрезвычайно интересно, что одна из бараньих голов имела на шее бронзовый обруч. Известно, сколь высоко ценился в древнем Ифе этот металл — стоимость такого обруча должна была перекрывать стоимость и живого, и терракотового баранов. Трудно предположить, что скульптура, призванная лишь заменить жертвенное животное, украшалась бы столь богато. Далее: если сравнить овальные базы терракотовых бараньих голов и воротник царя-слона, можно прийти к выводу, что и в том и в другом случае скульптуры покоятся на воротниках, только у изображений баранов они значительно скромнее.

Не следует считать, что баран — лишь «узкоспециализированное» животное для жертв, что его изображения не могут иметь никакого, кроме названного, значения. Уиллет ссылается на то, что в Бенине скульптуры бараньих голов ставились на алтари мужских предков, в то время как на алтари цариц-матерей помещались скульптуры петухов⁴. При этом он подчеркивает, что и в одном и в другом случае воссозданы излюбленные жертвенные животные. Но известно, что алтарные бараньи головы Бенина изображали не жертвенных животных, а самих предков и назывались *ухув-элао*, головы предков. Лишь в таком виде могли изображаться вплоть до XIX в. лица более низкого ранга, чем сам *оба*, его мать и некоторые влиятельнейшие приближенные. С другой стороны, у нынешних *йоруба* (ойо) баран — не только жертвенное подношение, но и священное животное божества *Шанго*.

В мае 1969 г. нигерийский археолог Экпо Эйо откопал в Ифе четыре скульптуры. Значение этой находки особенно велико, так как предметы не были ранее потревожены, и находились на своих местах по сторонам небольшого святилища. Последнее обстоятельство позволяет вплотную подойти к определению абсолютного возраста памятников. В связи с рассматриваемым вопросом наибольший интерес представляет характер изображений. Они во многом напоминают увенчанную короной терракотовую голову царя-слона — и названная регалия, и овальный воротник с шарами-украшениями имеются у каждой. Но на этот раз ифские владыки выступают в облике иных животных — антилопы, гиппопотама и... барана.

Сопоставив сказанное, естественно предположить, что терракотовые головы баранов, не имеющие пышных регалий, изображали лиц, пользовавшихся при жизни известным влиянием и получивших статус предков, но не принадлежавших к числу высших сановников государства. Овальные же базы голов, так же как и имеющийся в одном из случаев бронзовый обруч, не что иное, как изображение шейных инсигний, свидетельствующих о сани.

Таким образом, можно считать, что ифское искусство в той или иной форме запечатлеvalo не только обожествленных правителей, но и людей, относящихся по крайней мере к двум категориям — представителей покоренных племен (скорее всего, их вождей) и тех, кто играл при жизни относительно важную роль, был возведен в сан предка, но не входил в узкий круг высших сановников.

⁴ F. Willett, Указ. раб., стр. 163.